

**Т. Г. ГНЕДИЧ**  
**«ПОДРОБНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕБЫВАНИЯ В МОСКВЕ**  
**«ДОН ЖУАНА» С 9 МАРТА 1964 ПО 13 МАРТА ТОГО ЖЕ ГОДА –**  
**ВКЛЮЧИТЕЛЬНО»**

*(Вступительная статья, подготовка текста  
и комментарии Е. В. Виноградовой)*

*Аннотация:* В работе впервые публикуются дневниковые записи поэта и переводчицы Т. Г. Гнедич о гастролях в Москве спектакля «Дон Жуан» Ленинградского театра комедии в постановке Н. П. Акимова (по поэме Дж. Байрона в переводе Гнедич). В преамбуле приводятся сведения о ходе совместной работы режиссера и переводчицы над адаптацией поэмы к сценическому воплощению; в дневниковых записях содержатся впечатления Гнедич от поездки в Москву, просмотрных спектаклей, оценка ею исполнительского мастерства актеров; в дневнике обозначен круг друзей переводчицы, присутствовавших на спектаклях, записаны их отзывы о постановке, а также непосредственные отклики на постановку московских зрителей.

*Ключевые слова:* гастроли, спектакль, режиссер, поэма, актер, перевод, сцена, дневник, зрители.

*Abstract:* This article contains the first published diary notes of the poet and translator T. G. Gnedich about the tour performance in Moscow of «Don Juan» directed by N. P. Akimov at the Theater of Comedy (on the poem by Lord Byron translated Gnedich). The preamble provides information on the progress of the joint work of the director and translator on the adaptation of the poem to the stage incarnation; the notes contains impressions from Gnedich look up performances in Moscow, its evaluation of the performance skills of the actors; entries marked circle of friends interpreter present at the spectacle, recorded their feedback about the production, as well as immediate feedback on the performance of the Moscow audience.

*Key words:* tour performance, spectacle, director, poem, actor, translation, stage, diary, spectator.

Спектакль «Дон Жуан», поставленный режиссером Николаем Павловичем Акимовым по поэме Байрона в переводе Татьяны Гнедич, произвел в Ленинграде настоящий фурор. После премьеры, которая состоялась 14 апр. 1963 г., о нем восторженно отзывались и участники, и зрители, и критики. «Байрон заговорил с нами, как современник. Этому немало способствовал блистательный перевод Т. Гнедич, который сразу передвинул поэму из разряда обычно трудночитаемых в число тех классических произведений, где и поныне живет и звенит каждая строка».<sup>1</sup> «Не часто слышишь на драматической сцене такое

<sup>1</sup> Марченко Т. Когда нет равнодушных // Ленинградская правда. 1963. 15 мая. № 113. С. 3.

одушевленное чтение стиха, где схвачена его фактура и его стиль, где есть простор мысли и чувству. Вдохновляющую роль тут сыграл, бесспорно, перевод Т. Гнедич: он сам по себе поэзия и подвиг».<sup>2</sup> Большая статья Веры Федоровны Пановой «Вечное возвращение» появилась в газ. «Известия». В ней подробно рассказывалось о построении спектакля, о его пантомимах, о блистательной игре актеров и, конечно, о стихах: «Каскад блестящих стихов (перевод Татьяны Гнедич, ее же пролог и эпилог) и каскад блестящих картин, пронизанных тонким вкусом и артистизмом, сливаются в едином счастливо найденном ритме. Акимов – постановщик, Акимов – художник, Акимов – создатель сценической композиции текста – единое целое в этом гармоническом умном спектакле, на языке театра пересказавшем нам одно из лучших творений Байрона».<sup>3</sup>

Татьяна Григорьевна Гнедич, переводчица, поэт, была счастлива: она подружилась с Акимовым и его женой Еленой Юнгер, работала с утра до позднего вечера с актерами, переписывала текст сценария, который сохранился в ее архиве (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 25). В небольшом альбоме она начала писать подробный дневник, в нем освещалась работа над спектаклем и подробно описывались прогон, премьера, интересные приемы в работе актеров и отзывы зрителей.<sup>4</sup> Но дневник был прерван: счастливое окончание работы в театре и блестящая премьера осложнились болезнью сценариста. Спектакль потребовал много здоровья и сил у тех, на ком лежала ответственность перед художником: у Николая Павловича Акимова, который лежал в больнице с инфарктом в марте 1962 г. и у Татьяны Григорьевны Гнедич, которой стало плохо прямо на сцене в марте 1963 г. Несмотря на плохое самочувствие после напряженной работы, Гнедич приезжала на спектакли «Дон Жуана» и выходила на поклон к зрителям вместе с актерами и режиссером, и это стало причиной ее прединфарктного состояния. Половину лета 1963 г. она пролежала в больнице. Но когда она узнала, что спектакль с нетерпением ждут в Москве и она может поехать на гастроли вместе с театром в марте 1964 г., Татьяна Григорьевна воспрянула душой. Она забросала вопросами своих московских подруг, Валентину Байер и Эллен Краинскую: ехать или нет, лучше одной или с мужем, где лучше ночевать – в гостинице или в гостях.<sup>5</sup>

Читая письма Гнедич этого времени, необходимо помнить, что Татьяна Григорьевна после возвращения из лагерей и реабилитации редко выезжала. У нее были знакомые в Москве и на Украине, двоюродный брат в Одессе, многие ее любили и ждали, но у нее не было, во-первых, здоровья и, во-вторых, времени. До 1959 г. шла подготовка перевода «Дон Жуана» Байрона к выходу в свет, далее – переводческая студия, новые переводы, работа над сборником собственных стихов. Все это приносило радость, но держало дома, сначала

---

<sup>2</sup> *Золотницкий Д.* Лорд Байрон по-Акимовски // Смена. 1963. 4 июня. № 130. С. 4.

<sup>3</sup> *Известия.* 1963. 23 июля. № 147. С. 5.

<sup>4</sup> РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 86. См. публикацию Е. В. Виноградовой: «Т. Г. Гнедич. Дневниковые записи о постановке спектакля “Дон Жуан” в Ленинградском театре комедии» // Литературный архив советской эпохи. СПб., 2018. С. 447–460.

<sup>5</sup> Копии писем Т. Г. Гнедич сохранились в ее архиве: РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 124 (письма к В. П. Байер) и № 135 (письма к Краинским).

в г. Павловске, затем в Пушкине. Поэтому поездку в Москву (с Акимовым!) писательница воспринимала как возвращение в молодость: «И снова – детство пришло в купе – бездумное удовольствие путешествия, радостного и легкого, с веселыми встречами впереди...», – так она писала в начале своего дневника, который предлагается вниманию читателя.

Необходимо также отметить, что Т. Г. Гнедич как раз перед поездкой в Москву в 1964 г. стала знаменитой на всю страну: 30 янв. в газ. «Известия» напечатали большую статью Т. Сатыр «Один листок перевода» (републикация по просьбе читателей одноименной статьи из «Вечернего Ленинграда» в рубрике «Твои земляки, ленинградец»).<sup>6</sup> В статье рассказывалось о судьбе замечательной переводчицы Т. Гнедич, «женщины с добрым, открытым лицом», пострадавшей от культа личности, о ее мечтах, о ее творческом вечере в Доме писателей им. Маяковского, был приведен отрывок из ее стихотворения «Рассвет». Особенно трогателен конец статьи: «Служению высоким идеалам добра, света и справедливости посвящен весь творческий путь этой замечательной женщины». Несмотря на некоторый вымысел и наивность статьи (особенно с высоты сегодняшнего дня), все были рады за Татьяну Григорьевну, те же подруги сообщали ей о своей гордости за нее и обещали сохранить для нее газеты, которые сама Гнедич купить не успела.

Когда Татьяна Григорьевна писала дневник о гастролях в Москве, она была очень счастлива. Это чувствуется в каждой строке: состояние радости, легкости, наслаждения жизнью, которого у нее всегда было так мало. Это путешествие она воспринимала как подарок, преподнесенный ей после всех испытаний. Радости ей добавляло еще то, что рядом был муж, Георгий Павлович (по воспоминаниям знакомых Гнедич, горький пьяница), который вдруг оказался опорой, ездил доставать билеты на спектакль и уговаривал жену брать такси – беречь сердце. Читая дневник, мы неожиданно понимаем: это рассказ не о театре, а о себе. Возможно, Татьяна Григорьевна и собиралась на радостях очень подробно осветить каждый час жизни любимого театра в Москве, не зря написала такое заглавие: «Подробнейшее описание...». Но в ней поэт все-таки победил хроникера: непосредственно о спектакле написана одна страница в конце, она же знала, что все будет в порядке, недаром отдала этому спектаклю столько сил и здоровья в прошлом году. А вот о себе во время гастролей написано много: впечатления, встречи, подробное описание визита П. Г. Антокольского, который редактировал ее стихи. Подготовка спектакля ушла в прошлое, сборник своих стихов, который, как ей казалось, вот-вот будет издан, занимал ее больше. Она была права: и без нее о спектакле было много сказано, он произвел фурор и в Москве. В газ. «Советская культура» уже 14 марта 1964 г. появилась статья И. Флоринского «Внимание! Байрон говорит!», в которой спектакль ленинградского театра был назван «событием интересным, волнующим». «То, что зрители увидели в этот гастрольный приезд театра, не укладывается в рамки привычного понятия театрального спектакля, это концерт, где актеры en fias читают

<sup>6</sup> Известия. 1964. 30 янв. № 25. С. 4; Вечерний Ленинград. 1964. 15 янв. № 12. С. 3.

бессмертную поэму Байрона, где <...> жанровые сценки, которые могли бы сделать честь любой эстрадной программе, это спектакль яркий, насыщенный и по-настоящему театральный».<sup>7</sup>

Вскоре после приезда в Ленинград Татьяна Григорьевна писала подруге Эллен Краинской: «Да, и для меня Москва промелькнула, как экспресс, только и осталось в памяти “сиянье”, напоминающее расцветку павлиньего хвоста, и ощущение промелькнувшего состояния удивительно-простого, радостного, легкого “бытия”... И прошло все это так мгновенно! Вот я уж опять в моей “щели”...».<sup>8</sup> Но писательница понимает, что путешествие в Москву дало ей импульс к дальнейшим поездкам, что она теперь может не бояться за свое здоровье, которому полезны положительные эмоции вне дома, и должна быть смелой и уверенной в себе. В письме брату, К. Ф. Ливанскому, в Одессу она сообщала: «А что делаю я? Авантюричит моя судьба, задумывая мне все новые и новые встречи. В первую поездку в Москву (с Георгием) – слушала неистовые похвалы спектаклю и “себе” от Тихонова, Антокольского, от каких-то юношей из английской газеты и т. д. и т. п. ... Снимали меня репортеры, расспрашивали, слушала я разные суждения, сидя инкогнито в зрительном зале. Много всякого. Во второй раз ездили в Москву в июне (второй раз там был «Жуан»). На сей раз познакомилась с Корнеем Ивановичем Чуковским».<sup>9</sup> Чуковский пригласил Татьяну Григорьевну к себе в Переделькино в конце августа на детский праздник «проводы лета» (и она поедет!), а в июле она отправляется в трехдневные гастроли с «Дон Жуаном» уже в Ригу. В конце того же письма она добавляет: «Вот моя жизнь. Пожалуй, что хорошая? Не знаю. Сегодня мне кажется, что даже очень хорошая».

Текст дневника Т. Г. Гнедич дается по машинописи с ее правкой: РО ИРЛИ, ф. 810, оп.1, № 87. Особенности пунктуации автора (многочисленные тире и кавычки) сохранены.

---

<sup>7</sup> Советская культура. 1964. 14 марта. № 32. С. 2.

<sup>8</sup> Письмо Гнедич к Краинской от 18 марта 1964 г. // РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 135, л. 23.

<sup>9</sup> Письмо Гнедич Ливанскому от 27 июля 1964 г. // РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 138, л. 16–16 об.

Уезжали 8-го марта – в Международный женский день – для блистательных гастролей именно «Дон Жуана» – день весьма подходящий. Но погода была угрюмая: визгливая метель, поземка, порывистый недобрый ветер.

На вокзал приехали очень заранее, потому что в такие угрюмые погоды кажется, что все не удастся, в том числе и на поезд опоздаешь. Вероятия опозданий, ошибок, мелких потерь как-то повышаются... Но на вокзале – в зале ожидания – было уже светло и тепло, и мысль о предстоящей Москве уже заглушала неприятное впечатление от плохой питерской погоды...

Когда же подали поезд и можно было сесть в вагон – стало совсем просто и хорошо: купе двухместное, все чисто, все блестит, кондукторша приветливая... Что-то смутно напоминающее «золотое детство», когда все удавалось легко и просто, все улыбалось приветливо и ободряюще, мол: «добро пожаловать в жизнь! все семафоры открыты!»...

Минут за 15 до отхода поезда пришли веселые, молодые, хорошие Коля и Галя<sup>1</sup> – с букетом белых цветов и букетиком первых фиалок. В их добром отношении столько весны и счастья, что сам становишься моложе и счастливее. Они посидели, поболтали, поулыбались и, «обогрев» весь вагон своей молодостью и ясностью, вышли на перрон, откуда еще помахали руками и, весело оглядываясь и улыбаясь, пошли домой. (Отход поезда задерживался из-за того, что задержанный метелью поезд из Финляндии опаздывал довольно значительно.)

Наконец прицепили локомотив, сильно толкнув весь состав, и через несколько минут поезд как-то незаметно – пошел: тихо-тихо, тихо-тихо. Кондукторша принесла чай в обычных подстаканниках и кусочки сахара в спец. обертке.

И снова – детство пришло в купе – бездумное удовольствие путешествия, радостного и легкого, с веселыми встречами впереди...

Спали крепко, даже, я сказала бы, сладко. Проснувшись – увидела покрытые снегом холмы Подмосковья и то поднимающиеся вверх, то весело сбегаящие вниз – заборики, цепочки кустов, мосточки... Москва возникла сразу – хотя я все время очень внимательно рассматривала именно подмосковные дачи.

Егорушка<sup>2</sup> деловито взял чемоданы, и мы вышли на светлый, озаренный утренним солнцем перрон. Носильщики неслись, как угорелые, кто-то куда-то спешил, но мы спокойно шествовали к такси. Не пройдя и десяти шагов – справа – внимательный взгляд Егория заметил не-такси, явно намеревавшееся «поработать».

- Свободен, друг?
- А вам куда?
- В гостиницу «Москва»...
- Ну садитесь, подвезу...

(Это московская манера «притворяться», будто делаешь любезность «пассажиру», чтобы эти самые пассажиры «не зазнавались»...)

Замелькали милые московские улицы... Недалеко от Басманной поперек дороги стал трамвай, и сразу возникла пробка. Кондуктора бегали вокруг запу-

тавшегося провода и кричали друг на друга (по мере того как шли минуты – накопилось три-четыре трамвайных состава), явился милиционер и деловито велел машинам «взять влево» – против правил, что и было сделано, и мы поехали дальше. Больше приключений по дороге не было. Быстро доехали до гостиницы. Поворачивают там машины, проехав некоторое расстояние вперед, так что открывается Красная площадь и «позлащенные утренним солнцем» башни Кремля.

Гостиница «Москва» – обширный вестибюль – всё в манере «люкс»... На оформление и прописку паспортов уходит около 20 минут – и мы идем к лифту – надо бы занять свой номер – 529! С удивлением провинциалов наблюдаем лифт, над которым имеется ряд цифр, освещаемых электрической лампочкой по мере того, как лифт останавливается в соответствующем этаже. Этот столичный лифт доставляет нас на 5-й этаж. Егорушка деловито и солидно предъявляет соответствующую бумажку дежурной, и она приветливо разъясняет, куда идти: в конец коридора, последняя дверь направо.

Идем по половику. Солнце светит все веселей и веселей.

521, 525, 527... а, вот и 529! Георгий все с той же веселой деловитостью – поворачивает ключ в замке – и мы входим в светлую прихожую. Все сияет утренним солнцем. Все приветливо. Комната большая, квадратная, с письменным столом, двумя кроватями, покрытыми какой-то красивой оранжевой тканью, похожей на атлас.

Окно выходит во двор, но над крышами виден Кремль! Голубое мартовское небо сияет...

Первое, что делаю: начинаю «названивать»: Краинские<sup>3</sup> вовсе не отвечают, со Ставицким<sup>4</sup> – молодым автором-драматургом, который жаждет повидаться со мной, т<ак> к<ак> пишет пьесу на тему о том, как у честного следователя появлялось сомнение в виновности подсудимого, – так вот с этим юношей созваниваемся и назначаем свидание на 11 марта. Потом звоню в Пушкин: сообщить Анастасии Дмитриевне<sup>5</sup> свой номер телефона.

Через несколько минут после того как закончен разговор с Пушкином, снова звоню Краинским – ответа нет. Потом – звонок мне. Оказывается, некая Софья Хамановна, секретарь Твардовского, просит билеты на «Жуана», дает свой телефон К-4-57-01. Обещаю. (Забыла упомянуть, что в вестибюле гостиницы Зиновий Самойлович Бахрах – администратор Театра комедии – наскоро вручил мне записку на 30 билетов.) Но каждый билет – увы! – по 3 рубля! А у меня всего 50 (нужно-то ведь 90!), решаем сперва выкупить на два дня – 9 и 10, а позже, по мере того как некоторые из приглашенных «заплатят», – купить и остальные. За билетами надо поехать к 12-ти. В ожидании этого – созваниваюсь с Соколовыми<sup>6</sup> (восторги, восклицанья, умиления и т. д.), с Павлом Григорьевичем Антокольским,<sup>7</sup> который будет на первом спектакле – 9-го марта. Билеты ему обещаю прислать с Василием Бетаки,<sup>8</sup> который у меня должен быть после 12-ти... Словом – все утро – сплошная подготовка программы последующих дней...

Дозваниваюсь и до журнала «Молодой коммунист» и уславливаюсь о встрече с редактором – Райсой Васильевной Короленко<sup>9</sup> – на 10 марта. К 12-ти часам отправляемся с Егорушкой в зал Чайковского. Едем метро (оно

находится тут же, под гостиницей). После длительных переходов выходим у самого зала Чайковского – на светлый холодноватый весенний воздух. Покупка, точнее, «выкупка» билетов занимает очень мало времени. Едем обратно. Отмечаю, что вокруг зала стоят «чающие» «лишнего билетика» (это с 12-ти часов дня!!!). Возвращаемся в гостиницу. Прибегает Василий. Прошу его доставить два билета Антокольскому. Прибегает бледненький юноша – от Твардовского – вручаю ему 4 билета, он умоляет «еще два». Ффффу! Устала!

Первая половина дня, как будто, закончилась. Идем в 7-й этаж – чего-то поесть. День накануне был, говорят, очень холодный, и помещение «выстыло»: ресторан размещен в надстройке (или чем-то вроде того), состоящей из своеобразного коридора с широкими – во всю стену – окнами, из которых дует, как из проруби. Чувствую, что меня продувает насквозь. Но я соображаю, что я в шерстяном платье, – и «выдерживаю»... После обеда (поданного чрезвычайно медлительно!!!) возвращаемся в номер, и Егорий категорически требует, чтобы я легла и поспала. Подчиняюсь. Сплю. Лежу, как в детстве – блаженно навзничь на большой, широкой, мягкой кровати... Почему мне вспоминается детство? Вдруг соображаю: да это же от гостиницы! Ведь это я впервые после 1916 года – останавливаюсь в гостинице с полным комфортом и с самым солнечным настроением... Так это и есть: «освещение» детства! солнце детства! и мой «Жуан»! и бережность Егорушки, и приветливая усмешка «Его Величества Тролля!»<sup>10</sup>...

Меня будит звонок Адольфа Ефимовича Краинского: он узнал номер моего телефона и сообщает, что у них номер изменился, потому никто и не отвечал. Я говорю, что на 9-е билет уже отдала, а на завтра – на 10-е – обещаю. Но прошу за ними приехать утром 10-го же.

Созваниваюсь с Валентиной Павловной<sup>11</sup> о встрече – тоже утром 10-го (финансовые манипуляции).

И вот уже 6 часов. Надо спешить в театр.

Надеваю самое скромное – черное шелковое платье (с зеленой шерстяной кофточкой). Отправляемся.

Опять – метро. Уже у эскалатора – «чающие» чуть не останавливают проходящих вопросами «лишнего билетика»... В театре – толпа. Чтобы не тревожить администрацию, мы на первый спектакль идем на платные места.

В театре встречаем Антокольского. Он в фойе «христосуется» с Ник<олаем> Павловичем Акимовым.

Сидим мы рядом (он пришел с Васей Бетаки, но уступил его, точнее, «обменял» его на меня). Василий сидел с Егорушкой, а я – с Антокольским. Не думаю, что Василий втайне не чертыхался, но «уступить» ему Антокольского на весь спектакль – мне вовсе не хотелось, тем более, ведь билеты предоставлены мною, и, следовательно, моя воля кое-что значит!

9-е марта заканчивается чувством радостной усталости... 10-го утром – к 12-ти – обещал быть у нас П. Г. Антокольский.

Забывая деталь: в театре, после второго акта, Антокольский познакомил меня с какой-то родственницей Марины Цветаевой – не то дочь, как будто.<sup>12</sup> Надо будет переспросить. Высокая, с сильной проседью, с умным и много страдавшим лицом. Потрясли друг другу руки. Обещали встретиться или «встречаться» – и всё.

Потом подошла дама с лицом, что-то смутно напоминающим. Оказалось, что мы встречались «там», и она помнит, как я читала «Жуана» наизусть – для «любителей». Она дала свой телефон, просила позвонить, встретиться (а я только сейчас вообще-то и вспомнила, что обещала позвонить). Теперь придется писать кому-нибудь из знакомых и просить позвонить и узнать точный адрес.

Мы вот упрекаем «знаменитостей» в том, что они «заплывают жиром», а ведь это неправда: не «жир» это, а «отеки», «неправильный обмен», нарушение закономерного порядка дня, работы, мыслей – случайными встречами, ненужными «излияниями» и т. п. и т. п. Иному, может, от этой «популярности» в пору в Сибирь сбежать – а надо всем улыбаться. Но потом – проспишься – и снова приятно, и снова улыбаешься всем и каждому, а 50 процентов-то все-таки просто «любители» поболтать... Ну и как же тут быть? Прослыть «чванливым» и «негостеприимным» в моральном отношении? Тоже вроде бы не хочется... Попусту болтать? Обидно время тратить... Вот память услужливо и подстраивает «забывчивость» – мол, простите, жаждал повидаться, но память подвела: захлопотался... А ведь честное слово: действительно, только сейчас вспомнила, что обещала этой даме – по фамилии Прокофьевой<sup>13</sup> – на следующий день позвонить. И ощущаю себя «зело свиной»!!!

10 марта. Просыпаемся в 8 часов – и ничуть не спать не хочется! Тепло, уютно. Настроение – буквально отличное: под боком – только нажми штепсель – ванная с постоянной теплой водой, а за окном весеннее солнце. Снова что-то от далекого безмятежного детства, от светлого детства на Новинском бульваре: весна, радость, только начало «праздника» жизни – безотчетная голубизна... Все существо, весь организм позабыл – совершенно сознательно позабыл – что жизнь уже на исходе, что уже пережиты чернейшие бури – нет... ничего плохого еще не было и уже не будет: солнце и голубизна – единственное, что осталось и остается, что «пребывает» во Вселенной.

Первый звонок от Шуваловой,<sup>14</sup> секретаря парторганизации театра. Она в тревоге: сегодня будет на спектакле «сама Фурцева»,<sup>15</sup> а писатель «Моня Прут»<sup>16</sup> только что звонил Шуваловой и утверждал, что якобы многие заметили и отметили наличие в тексте «антисемитских подтасовок!!!!!» (урод и глупец – говорю я). В чем же дело? В тексте 1-го акта три раза (!!!) упоминаются евреи – и каждый раз недружелюбно:

1. Любовницы пошли за полцены  
Одна – еврею, а одна – аббату...
2. Дон Хозе...  
Идальго чистокровный, без следа  
Еврейско-маврской крови...
3. ... (от лица «наследников»)  
Даем под их кончину векселя,  
Процентами евреев веселя...



Шувалова умоляет «уговорить» Ник<олая> Павл<овича> «убрать этих евреев!»: «Он только Вас послушает! Он ведь никого из нас не послушает!». Обещаю «уговорить». Звоню 2933 – это телефон «Его Величества Тролля». Говорю ему: «Ради Аллаха! Давайте уберем двух евреев из первого акта!!!». – Ну а что там с ними случилось? – спрашивает он непреодолимо-насмешливо и в то же время почти уныло. Говорю: принципиальный еврей – Мони Прут – усмотрел у Байрона «задатки» антисемитизма. Предлагаю первый случай – относительно того, что любовницы дона Хосе пошли «одна еврею, а одна – аббату» оставить в тексте, поскольку это явно антирелигиозный выпад великого поэта, стремившегося такой фразой «бросить тень» на католического аббата, которому надлежит быть уже вовсе «холостым»... Но в двух других октавах можно бы сказать: «презренной маврской крови» или «нечистой» маврской крови...», а относительно «процентов» выразиться точнее: «ростовщиков наживой веселя!». Он смеется, но соглашается и дает санкцию позвонить Савостьянову.<sup>17</sup> Дозвониться не могу, но сообщаю Шуваловой, что «победа одержана». Она – только что не крестится!

Мы с нею решаем, что я просто приеду в театр немного пораньше и лично скажу Савостьянову о нужной перемене. Это ведь просто.

Звоню Вал<ентине> Павл<овне > и прошу ее ко мне зайти. В 10.30 мы сидим с нею за столом и говорим о разном – о «чертежах» жизней. О том, что у меня лично чертеж всей жизни построен на принципе крутых взлетов и спусков, равно и «подведения к самой черте». Говорим и о защитной реакции памяти, которая даже при жизни уже «хозяйничает», выключая все то, что могло бы повредить становлению правильного мирозерцания. Все слишком «тупящее» и «мелко-злое» память начисто выключает, но настоящее черное оставляет же. А зачем? Вот я, например, целые куски «лагеря» забыла начисто, а отдельные «кадры» Блокады до сих пор горят в памяти, как язвы, которых ничем не заживить.

В 12.30 является расчудесный Павел Григорьевич Антокольский. (Его-рушка еще раньше ушел с моей запиской в зал Чайковского – выкупать оставшиеся билеты – на 11, 12 и 13-е.)

Антокольский чудесно настроен. Несколько минут они разговаривают с Валентиной Павловной о спектакле – потом она «заторопилась» уйти. Он ужасно галантно подает ей пальто, что хотела сделать я. Притворяется он, будто «метнул на меня» оскорбленный взгляд, и говорит: «Вы что ж это? Нарочно при мне подаете пальто даме? Вы что именно этим подчеркнуть-то желаете?». После этой реплики следует легкий смех, и мы провожаем Валентину Павловну.

Оставшись вдвоем, мы продолжаем разговор о спектакле. Рассказываю ему о претензиях «Мони Прута» относительно недоброжелательного упоминания о евреях у Байрона. Смеясь, подсказывает варианты переделок: «нечистой маврской крови...» – ведь и «презренная», и «нечистая» будут вместо еврейской, значит, если кто «склонен принохиваться», так еще хуже получается: презренный, нечистый – синонимы слова «еврейский»!!! Говорит о Жуане, что Воропаев<sup>18</sup> его отлично играет и «подает»: «полностью веришь в его молодость

и прелесть». (Кажется, Антокольский выразился чуть-чуть иначе: «полностью веришь его молодости и прелести».) Это действительно тоньше и точнее сказано. Критикует «телосложение» актрис с хорошенькими лицами и... «талией в районе бедер». Особенно непримиримо настроен к греческим картинкам: «вампука!.. оффенбаховщина! Меандры не спасают!!!». А вообще считает, что спектакль «умный, яркий, настоящий, спектакль высокой культуры».

Егорий возвращается с билетами. Я посылаю его заказать кофе, но тут Павел Григорьевич заявляет, что угощает он, т<ак> к<ак> мы – «гости» в Москве. Он «умелым жестом» вызывает по телефону ресторан и заказывает кофе с коньяком и апельсины. Поскольку за два билета я с него ничего не взяла, я «позволяю» ему истратить на угощение 6 р. 50 коп. (билеты стоили 6 рублей, так что все в порядке).

Антокольский настроен «высоко». Разговор переходит на мой сборник.<sup>19</sup> Излагаю мое желание, чтобы редактором был именно он.

– А Всеволод Александрович?<sup>20</sup> Он на меня не обидится?

– Не думаю: Всеволод Александрович занят тем, что перелистывает «эмали и камни» с собственным изображением, ему сейчас ни до кого нет дела...

– Гм... Ну что ж... Я-то готов... Только чтобы нареканий не было: мол, москвичи считают, что в Ленинграде и поэтов-то нет!

Обещаю все уладить. Перехожу к стихам. Объясняю принцип построения сборника и читаю: сперва «Блокаду». Он чудно слушает: остро, внимательно, делает краткие и очень неопровержимые замечания.

Читаю в таком порядке:

1. «Черный город в глубоком снегу...»<sup>21</sup> Никаких возражений. Особенно внимателен к последним строкам. Слушает отлично: всем существом. На мое замечание «это стихотворение, вероятно, придется убрать из-за “Ангела”» – буквально «вскидывается»: «Ни в каком случае! Ни в каком случае!» Вот почему мне нужен именно такой редактор!

2. Обстрел.<sup>22</sup>

Очень одобряет, но «схватил» третью строчку: «обстрел прицелки дальней» – нехорошо «прицелки». Тут нужен точный артиллерийский термин, тогда эта строфа сомкнется с заключительной. Кажется, есть термин «кинжальный» обстрел, вот его бы взять!

3. «А черная столица вся – вниманье...»<sup>23</sup> – возражает против слова «закланье». Закланье не антоним «бессмертья», очень часто именно и только «закланье» и приносит «бессмертье». Тут нужно найти именно антоним – прямое, глубоко-точное противопоставление: бессмертье иль.....что? А ведь прав! Как это я столько раз это стихотворение читала, и никто ни разу не обратил внимания на такую ризительную вещь!

4. Сонет «И вот – рассвет. Еще за горизонтом...» Очень восторженно отнесся к последним 6-ти: бьет пред Иверской поклоны...<sup>24</sup>

Кассандра.

Особенно: «и серафимы в странном оперенье читают Блока вещие творенья...» Но «архонтов» считает ненужным балластом, а вместо «Тамерланов» лучше «Чингис-хань». Говорит встревоженно: только уберите «архонтов»,

лучше уж пусть не будет сонетом, только не надо неточных слов! Прав! Конечно, прав! Я ведь этими «архонтами» сама болею и... все рассчитываю, что «сойдет!» А других «поучаю»!!! Вот ведь где подлость-то человеческая!!!

5. «Стекла в клетку».<sup>25</sup>

Хорошо, но не нужно «Парфена Рогожина» на посту. «Рогожин уже давно в штрафном батальоне! Ему ли с зажигалками возиться! Тут Вы, голубчик, не рассмотрели в темноте: тут кто-то другой стоит: то ли Онегин, то ли Рудин, то ли Обломов: нужно приглядеться».

Интересно, что о том, что «нужно приглядеться», он говорит совершенно серьезно, словно о реальном факте. Это отлично!

6. «Эйнштейн» – привел его в восторг. «Тут каждая строчка – находка! Этому стихотворению я завидую!»<sup>26</sup>

7. «Что делают музы в ненастные дни?»<sup>27</sup> тоже очень понравилось. Только в последнем четверостишии «надо убрать экстаз и даже всю строчку «лакейской душонки растленность»: в них есть гнев, а те, о ком говорится, гнева муз недостойны. О них надо сказать что-то «пообыденнее», вроде «не раз» или «леность»... Именно вместо «растленность» нужно «леность» и «скудость», чтобы уж действительно противостояло «великой современности». ...Да... Вот почему мне нужен именно такой редактор!!! Это будет воистину «подарок муз!».

8. О «Ленинградском сонете» говорит:<sup>28</sup> «Последние 6 строчек («Нет кляч и рысаков...») написаны Вами, а первые 8 – Всеволодом Александровичем Рождественским... и это хуже, чем Вы. Нужно эти первые 8 строк сделать чуточку пародийно, как-то нарочито-старомодно, остро старомодно, может, прибавить какое-то «зрю» или «се». Надо подумать... Нужно, чтобы чувствовалось, что в 8 первых строчках на город смотрит один человек, а в 6-ти последних – другой, дружелюбно-враждебный собеседник». Верно. Глубоко верно!

9. «Крысы»<sup>29</sup> – не понравилось: «слишком словесно, словам невпроворот: и крыс, и слов так много, что не повернешься. Это правда, жутко, что крыс действительно много, но поскольку много и слов – образность перерастает в “список всех потребных метафор”». (Он и критикует-то так, что приятно слушать!)

10. Бунин<sup>30</sup> (я, впрочем, не говорю, что Бунин, конечно). Тут он опять скидывается (и как горячо!). Повторяю: в устах такого критика и осуждение лестно. О «Бунине» говорит: пейзаж Парижа повторен с чужих слов. Строчка «Как денди лондонский одет» – просто неправда: Бунин ходил в потрепанном пиджачке. И вообще – он не просто «барин», он в прошлом – толстовец и «эс-дек», он «черными слезами оплакал» деревню, он из «кающихся дворян» последнего или предпоследнего дореволюционного издания! (Потом пошли издания их же, послереволюционные!!!) Это все сложнее. Это надо не только почувствовать (а тут все «с чужих слов»), это надо и в смысле «конкретных фактов» – уточнить.

11. Гумилев<sup>31</sup> (слушает очень внимательно). Говорит: «На эту тему написали высоко и скорбно две талантливейшие женщины России – Ахматова и Цветаева. “Белую стаю” не вычеркнешь<sup>32</sup>. Вам предстоит сказать другое,

новое и по-новому. И Вам надо сказать, как поэту о поэте, это выше и сложнее. В стихотворении много интересного, заключительная строчка, вероятно, должна остаться.

“Ну что ж, становись, господин офицер!”...

Но надо подумать и о том, что Гумилев – русский Киплинг, “открыватель новых земель” (вот почему хорошо мелькают в стихотворении «хвосты розоватых лангуст»). А его интерес к Африке? А его коллекционерство? Тут нужно знать опять-таки конкретные факты!».

Из поэмы читаю только «Одессу»<sup>33</sup> (т<ак> к<ак> замечаю, что слушатель начинает вопрос о том, нужно ли вообще называть поэму «После “Возмездия”», с написанием слова «возмездие» в кавычках и через большую букву? Вероятно, это излишне. Тут еще надо подумать и подумать. Ну, а как звучало бы, если бы назвать просто: «После возмездия»? Надо подумать.

Затем декламирует он: сперва замечательное стихотворение «Пикассо». Читает замечательно: с актерской хваткой и с творческим жаром. «За сердце берет». Второе стихотворение «Анна Петровна Керн» – эпитафия из какого-то энциклопедического словаря: «Умерла в глубокой старости и в бедности. Когда гроб ее везли из Москвы – она встретила с везомой в Москву бронзовой статуей Пушкина». Декламация – прекрасная. После декламации – пожимали руки и целовались.<sup>34</sup>

Егорушке говорит: «Вы не ревнуйте: я поклоняюсь! Я как поэт поэта – люблю Вашу жену! Из всех женщин нашего времени у нее свой особый голос. Она – особое явление, она – яв-ле-ние! Вот в чем суть!»

А мне говорит: «Вы поймите: я в восторге от всего Вашего облика: он трудный, этот облик! Как следует Вас мало кто понимает. Но я, кажется, понимаю! Я аплодировал бы Вам, даже если бы Вы были врагом, но когда Вы в “моем стане” – я преклоняю колено!» (что и делает, для его возраста довольно ловко! Господи, уж эти мне поэты!). Потом опять к Георгию: «Вы не ревнуйте: в лице Вашей жены я поклоняюсь великим традициям великой русской литературы и культуры! Она – большой поэт!» (Егорий смущен и сияет).

Прощаемся, целуясь, обнимаясь, пообещав повторить встречу 13-го, если будет возможно. Обещает обязательно приехать к нам в Пушкин.

Какая праздничная, необыкновенная, «подарочная» встреча! Только в таком освещении, как в эти дни, все это звучит реальностью.

После ухода Антокольского идем к Соколовым,<sup>35</sup> точнее, едем на машине. Это – первый выезд на такси, вчера, 9-го, всюду ездили в метро. Сходим на улице, носящей курьезно-московское название: «Садовая-Самотечная». Переходим на другую сторону улицы – купить торг. Проходим мимо странного и жутковатого недостроенного здания, недоумевая, что это за здание: похоже на театр. Высокие окна, заделаны досками. Облицовки нет. Потемневший кирпич. Здание выглядит не то разрушенным, не то «за что-то» наказанным. Являемся.

Встречены восторженно. Татьяна Александровна – маленькая старушка – в далеком прошлом – красивая эльфовидная балерина (знаю это, судя по фотокарточке) – также ласково-мила и добра. В последний год – в Мариинске – она особенно хорошо относилась ко мне и к моему «Жуану» (которого я тогда

читала «желающим» – «на память»). Татьяна Александровна тогда еще, в 1953 году, сказала однажды, без особенной даже патетики: «Я за Вас спокойна: под руку с таким сыном, с таким прекрасным молодым человеком, Вы пойдете легко и свободно! И будете отлично приняты везде!». И вот – смотрите! Слова-то сбылись, «как по-писаному»: Жуан, именно в первую очередь Жуан, был первой и основной козырной картой при моем возвращении в большую жизнь. И до сих пор остается козырной картой! Вполне!!!

Дочь Татьяны Александровны – Наталья Евгеньевна – «египтолог» – как всегда, очень умна, но немножко болтлива: это уже ее особое свойство. Но с нею интересно. Обещаю ей на 11 марта билет (старушке пойти трудно, ей ведь уже 83 года! А ум еще вполне ясный). Нас, кто чуть-чуть помоложе, все еще удивляет, что человек 80 лет «не стал идиотом». А ведь даже самая эта мысль – уже свинство... даже по отношению к собственному будущему...

Спрашиваю, что это за странное здание на их улице. Оказывается – это не достроенный из-за начала войны – в 1941 году – театр. Он с тех пор и стоит. Никто его не берет. И разрушать не хотят: много средств потрачено. А теперь на достройку нужно дать... миллион! Вот и не могут найти «хозяина». И стоит «московское привидение», как выражается Нат<алья> Евг<еньевна> (это дочь Т. А. Соколовой).

Выходим от них на залитую солнцем широкую Садовую-Самотечную (тут ведь был бульвар, стало пустынно-широко из-за того, что деревья вырубili). Пройдя квартал, останавливаемся «поймать такси». У меня появилась было небольшая, но зловещая одышка, и Егорий категорически заявил, что «мы лучше не поедим, но берем такси!».

Как всегда, очень ловко он останавливает такси, и мы преспокойно доезжаем до гостиницы. Даже в такси у меня уже снова появляется это состояние «полнейшего покоя и надежности», и за короткий перегон – от Садовой-Самотечной до Красной площади – я успеваю как-то «по-детски безмятежно» отдохнуть.

Немножко отдохнув, отправляемся в театр. В зале Чайковского опять то же: едва вышли – уже «чающие» окружают вопросами: лишнего билетика нет? Получаем, слава богу, пропуск «на два лица» на приставные стулья, в партере. Пальто оставляем в спец. комнате для участников спектакля.

Ожидается «сама» Фурцева. У моей Марии Александровны Шуваловой – уже «полит. трепет».

Публика в театре главным образом университетского типа: много седых голов среди дам и джентльменов, и студенческой молодежи. Играет Войткевич, но играет отлично, с явным намерением «не уступать ни одного лаврового листочка» своей блистательной сопернице – Елене Владимировне Юнгер. Местами она даже затмевает Юнгер – так старается!<sup>36</sup>

Публика «хлопала» в следующих местах:

Акт I: второму появлению Альфонсо (кающегося), Жуану на носу корабля и всей сцене («О, Юлия!...»).

Акт II. Рынок рабов (торговля, крик и гвалт), Жуану, отказывающемуся «поцеловать ногу».

Акт III. Суворову на коне (это уж всегда!). Лошажьим крупам. Спине уходящего Суворова (походке и всей манере). Заключительной сцене приема у Екатерины (пантомиме с послами), это показывает на тонкий вкус зрителя. Очень хлопали финалу (Ролландову рогу).

После IV акта мне сказали, что Фурцева спектаклем очень довольна. Она заранее предупредила, что сможет остаться только до конца III акта, и слушала и смотрела очень внимательно. Сказала, что «спектакль на очень высоком идейном уровне!». Все это рассказал мне Ник<олай> Павл<ович> во время IV акта, когда я сидела за кулисами в уютном кресле, почти в полудремоте удовольствия и смертельной усталости. (Вот так бы и умереть неплохо, хотя, впрочем, по отношению к «любящим нас» это было бы бестактно... Подождем!!!) Итак, последние слова, выслушанные «самой» Фурцевой из уст Байрона, были:

И я один тревожить буду их,  
Трубя в Ролландов рог октав моих!!!

Кстати, Лев Константинович Колесов отлично их произносит!<sup>37</sup> Мощно, красиво! Грозно и проникновенно! Ура! Ура! Ура!

Выходили 5 раз: сперва меня за руку вывел Ник<олай> <Павлович>, а потом нас с ним, как родителей, выводили – его – Корнева<sup>38</sup> («леди Амондевилл»), а меня – «сыночек» – Дон Жуан! (а красив он в самом деле!).

Получилось хорошо, даже, кажется, отлично! Обратно ехали в троллейбусе. Прошлись до остановки по многолюдно-шумным и упорно-кустодиевским кварталам «Красной столицы»... Весна... Веянье марта – во всем. Погода теплая, удивительно чистая: просто «всю душу Вселенной» видеть...

Еще впереди – четыре дня... нет – уже только три дня этого странного праздника –

одиннадцатое – это завтра...

двенадцатое – это послезавтра...

тринадцатое – это уже «финал»...

В троллейбусе с нами был и Ник<олай> Павл<ович>, но он либо устал, либо еще не мог «простить» мне «насилия» – «перделки на ходу» и, вежливо кивнув, прошел мимо. Ничего... простит...

А в номере – светло, тепло, уютно...

Принимаю теплую ванну!

Черт возьми, это уже в стиле Веры Инбер: это она так описывает каждое свое движение в своем «Ленинградском дневнике» (блокадном).<sup>39</sup>

Посему – остановимся на этом и поспим до завтрашнего дня...

---

<sup>1</sup> Галия – Усова Галина Сергеевна (р. 1936), переводчик английской литературы, поэт, ученица Т. Г. Гнедич по переводческому семинару, автор воспоминаний «И Байрона в соавторы возьму. Книга о Татьяне Григорьевне Гнедич» (СПб., 2012). Коля – возможно, Николай Борисов, также ученик Гнедич.

<sup>2</sup> Егорушка, Егорий – Богданов Георгий Павлович (1912–1977?) – муж Т. Г. Гнедич.

<sup>3</sup> Краинские, семья: Эллен, переводчица, подруга Т. Г. Гнедич со времени заключения, и ее муж Адольф Ефимович.

<sup>4</sup> *Ставицкий Аркадий Зиновьевич* (р. 1930) – драматург, сценарист.

<sup>5</sup> *Макарова Анастасия Дмитриевна* (1902?–1976) – друг и помощница Т. Г. Гнедич; они познакомилась в заключении, после освобождения поселились вместе и никогда не расставались.

<sup>6</sup> *Соколовы* – семья *Соколовой Натальи Евгеньевны* (1911–1995), псевд. Семпер, художницы, переводчицы, которая была арестована в 1949 г. по статье 58-10, отбывала срок в Вятлаге до 1955 г.

<sup>7</sup> *Антокольский Павел Григорьевич* (1896–1978) – поэт, переводчик, литературовед; в архиве Т. Г. Гнедич есть его отзыв 1955 г. о ее переводе «Песни последнего менестреля» В. Скотта, сделанном совместно с поэтом В. А. Рождественским (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 94).

<sup>8</sup> *Бетаки Василий Павлович* (1930–2013) – поэт, переводчик, ученик Гнедич по переводческому семинару, автор воспоминаний «Т. Г. Гнедич и ее семинар» (Звезда. 2003. № 7. С. 174–181), в которых он с восторгом описывает также и поездку на гастроли в Москву с Т. Г. Гнедич. В архиве есть ее рекомендация для принятия Бетаки в Союз писателей СССР (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 113).

<sup>9</sup> *Короленко Раиса Васильевна* – редактор Политгиздата, в будущем вторая жена полярника И. Д. Папанина.

<sup>10</sup> Так Татьяна Григорьевна в шутку называла режиссера Н. П. Акимова.

<sup>11</sup> *Байер Валентина Павловна* – переводчица, подруга Т. Г. Гнедич.

<sup>12</sup> *Ариадна Сергеевна Эфрон* (1912–1975) – дочь Марины Цветаевой, после заключения и реабилитации с 1955 г. жила в Москве, в 1962 г. была принята в Союз писателей СССР.

<sup>13</sup> Возможно, это *Лина Ивановна Прокофьева* (1897–1989) – жена композитора С. С. Прокофьева; была арестована в 1949 г. и до реабилитации в 1956 г. находилась в разных лагерях (в Коми АССР и Мордовии), в одном из пересыльных лагерей она могла увидеть Т. Г. Гнедич.

<sup>14</sup> *Шувалова Мария Александровна* – зав. литчастью Театра комедии с 1956 г.; до этого времени была в театре парторгом и способствовала отстранению Н. П. Акимова от театра. По возвращении в родной театр после семилетнего отсутствия в нем (с 1949 по 1956 г.) Акимов специально оставил ее в театре, не уволил, чтобы видеть преданного «дракона без зубов» (см. об этом в воспоминаниях Нины Николаевны Аловерт, художника и фотографа Театра комедии: «Н. П. Акимов. Письма издалека» // Звезда. 2000. № 8. С. 158).

<sup>15</sup> *Фурцева Екатерина Алексеевна* (1910–1974) – министр культуры СССР с 1962 по 1974 г.

<sup>16</sup> Правильно – *Оня Прут, Иосиф Леонидович Прут* (1900–1993) – советский драматург и сценарист. Был известен в писательских кругах как балагур, юморист, любитель рассказывать анекдоты, так что, скорее всего, его замечания по Байрону были ядовитой шуткой, которую М. А. Шувалова восприняла по-своему.

<sup>17</sup> *Савостьянов Алексей Владимирович* (1909–1999) – актер Театра комедии с 1936 по 1991 г.

<sup>18</sup> *Воропаев Геннадий Иванович* (1931–2001) – актер Театра комедии с 1959 по 2001 г.; исполнитель главной роли в спектакле «Дон Жуан» и текста от лица Байрона, подготовленного Т. Г. Гнедич.

<sup>19</sup> Здесь и далее речь идет о сборнике стихотворений Т. Г. Гнедич, который ею тщательно готовился на протяжении долгого времени, но был издан только после ее смерти небольшой книжечкой «Этюды. Сонеты» (Л., 1977) со вступительной статьей М. А. Дудина.

<sup>20</sup> *Всеволод Александрович Рождественский* (1895–1977) – поэт, переводчик, был другом Т. Г. Гнедич в течение всей ее жизни, начиная с довоенного времени. «Эмали и камни» – сборник стихотворений Теофиля Готье (1811–1872) (1-е изд. – 1852, последнее – 1872). Их переводили многие русские поэты, в том числе и Вс. Рождественский. Он же написал и статью о творчестве Готье в сборнике «Писатели Франции», составленном Е. Г. Эткингом (М., 1964).

<sup>21</sup> «Черный город в глубоком снегу...» – начальные строки стихотворения Т. Гнедич (написано в декабре 1941 г.) из блокадного цикла с латинским заглавием «Nox aeterna semper regnat» (Ночь не царит вечно). Заканчивалось строками: «И на площади мертвой стоит <...> Медный ангел – немой соглядатай».

<sup>22</sup> «Веселый и нахальный,  
Как гром и динамит,  
Обстрел прицелки дальней  
Над городом гремит...»

Данное стихотворение не вошло в вышеупомянутый сборник «Этюды. Сонеты».

<sup>23</sup> Первая строка этого стихотворения, написанного в январе 1942 г., была позднее изменена: «А черный грозный город весь – вниманье, весь слух...», заканчивалось оно так: «Одно из двух: бессмертье или закланье, одно из двух...». Эта строка осталась без изменений.

<sup>24</sup> Речь идет о стихотворении «Рассвет» (1942). Последние шесть строк, которые поправились Антокольскому:

«Кассандра бьет пред Иверской поклоны,  
Обида стонет у колен Беллоны,  
Взывая о победе и отмщенье...  
И серафимы в странном оперенье  
Читают Блока вещи творенья  
О светлом князе и степном сраженьи...»

Слова из строк «Но он идет торжественно постыден// Всем Тамерланам, Пиррам и архонтам...» Татьяна Григорьевна оставила без изменения.

<sup>25</sup> Стихотворение о ночной бомбежке «Стекла в клетку – стекла сумасшедшие...» (1942) в черновике закачивается так:

«Черные и пламенные дымы  
Бурую буравят высоту,  
Но стоит в тоске несокрушимой  
Сам Парфен Рогожин на посту!» (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 3).

В сборнике «Этюды. Сонеты» эти строки заменены другими, без Рогожина. Между тем он упоминается в сонете № 10 венка сонетов «Городу русской военной славы»:

«Нет кляч и рысаков, нет мостовой торцовой,  
Рогожин разорен и помер в Соловках...» (1962).

<sup>26</sup> Это стихотворение не вошло в сборник «Этюды, Сонеты», и его нет в черновиках Т. Гнедич, находящихся в ее архиве.

<sup>27</sup> Речь идет о стихотворении «Что делают музы в ненастные дни?// Хандрят? Высыпаются? Плачут?..» (1956). В последнем четверостишии Гнедич по совету Антокольского изменила вторую строку:

«А тот вон, упрятав под ложный экстаз  
Природную тупость и леность,  
Пытается выразить дюжиной фраз  
Великую современность!».

<sup>28</sup> Имеется в виду сонет из цикла «Городу русской военной славы. Венки сонетов», который заканчивается строками:

«Нет кляч и рысаков, нет мостовой торцовой  
И ангел бронзовый над площадью дворцовой  
Спокойно греется в сиянье синевы.

Татьяна Григорьевна не очень любила, когда в ее стихах видели подражание Вс. Рождественскому. Она шутила говорила: «От Рождественского у меня только кот Мотя!».

<sup>29</sup> Стихотворение «Крысь», написанное в 1948 г. в лагере, не вошло в сборник «Этюды. Сонеты», но воспроизведено в последнем издании стихов и переводов Т.Г. Гнедич, подго-



товленном Г. С. Усовой («Страницы славы и страницы плена». СПб., 2008); в нем есть такие строки:

«...И чутко копошится тишина  
Неугомонным, беспокойным писком,  
И страшенькие тени здесь и там  
Вприпрыжку ковыляют по кустам...».

<sup>30</sup> Это неопубликованное стихотворение, в котором И. А. Бунин описывается так:

«Вот с тросточкой, походкою ленивой  
Седеющий, надменный и красивый,  
Идет, «как денди лондонский одет»,  
Поэт российский, подлинный поэт...» (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 18).

<sup>31</sup> Это также неопубликованное стихотворение, начинающееся строками: «Сабля остра. Проверен прицел. Не в силах плебеям служить офицер...» (1961). В венке сонетов «Поэту» в сонете № 7 «Тревожится, растет девятый вал поэзии...» упоминалось имя Н. С. Гумилева, но по настоянию редакции оно было заменено; в издании 2008 г. эти строки звучат так, как изначально было задумано поэтом Гнедич:

«...Все для большого синтеза готово!  
Вот – внук того, кто Зимний штурмовал,  
Любуется бессмертьем Гумилева...  
Народный разум все ему простил –  
Дворянской чести рыцарственный пыл  
И мятежа бравурную затею...»

Ср. с изданием 1977 г.:

«Все для большого синтеза готово,  
Ни злобный недоучка, ни бахвал  
Его венца не тронут золотого.  
Триада диалектики точна,  
Уберегла прекрасное она...»

<sup>32</sup> Имеются в виду сборники стихотворений «Белая стая» А. Ахматовой (Пг., 1917) и «Лебединый стан» М. Цветаевой (Мюнхен, 1957).

<sup>33</sup> В поэме Т. Г. Гнедич «После возмездия» (1953–1956) глава II под заглавием «1919 год» полностью посвящена Одессе, жизни города в это время. Из трех глав поэмы только она вошла в сборник «Этюды. Сонеты».

<sup>34</sup> П. Г. Антокольский читал свои стихи: «Пикассо» (1922), посвященное Марине Цветаевой, и «Балладу о чудном мгновении» (1954) об А. П. Керн.

<sup>35</sup> *Соколовы* – см. примеч. 6. Мать Н. Е. Соколовой-Семпер, *Татьяна Александровна Эверт* (1880?– ?) в молодости была балериной Большого театра. Арестована в 1949 г., последние годы заключения отбывала в Марининском лагере Кемеровской обл. (Сибирский ГУЛАГ), освобождена и вернулась в Москву в 1953 г. (см.: *Соколова (Семпер) Н. Е.* Портреты и пейзажи // *Дружба народов*. 1997. № 2, 3).

<sup>36</sup> *Войткевич Янина Иосифовна* (1923–2000) – актриса Театра комедии с 1948 г.; *Юнгер Елена Владимировна* (1910–1999) – актриса Театра комедии с 1936 г., жена Н. П. Акимова.

<sup>37</sup> *Колесов Лев Константинович* (1910–1974) – актер Театра комедии с 1940 г.

<sup>38</sup> *Корнева Нелли* (1937–1965) – актриса Театра комедии с 1961 г., трагически погибла во время гастролей театра в Москве в июле 1965 г.

<sup>39</sup> Имеется в виду книга *Инбер Веры Михайловны* (1890–1972) «Почти три года. Ленинградский дневник» (1946). Татьяна Григорьевна работала с В. Инбер в 1944 г.: переводила на английский язык ее поэму «Пулковский меридиан» (РО ИРЛИ. ф. 810, оп. 1, № 55).

### Библиографический список

1. *Аловерт Н. Н.* Николай Павлович Акимов. Письма издалека // Звезда. 2000. № 8. С. 156–162.
2. *Байрон Дж.* Дон Жуан / перевод Т. Гнедич. М.; Л., 1964.
3. *Бетаки В. П.* Т. Г. Гнедич и ее семинар // Звезда. 2003. № 7. С. 174–180.
4. *Гнедич Т. Г.* Страницы плена и страницы славы / сост. Усова Г. С. СПб., 2008.
5. *Гнедич Т. Г.* Этюды. Сонеты. Л., 1977.
6. *Пронина М. П.* Навсегда с Вами // Каким был Акимов. Книга воспоминаний / сост. В.И. Котов. СПб., 1996. С. 166–170.
7. *Усова Г. С.* И Байрона в соавторы возьму. Книга о Татьяне Григорьевне Гнедич. СПб., 2012.